

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 24 января 1987

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 24 de enero de 1987 No. 1904

МЫСЛИ ВСЛУХ

ФИКЦИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Разделение государственной власти на три части (исполнительную, законодательную и судебную) до сих пор часто считается гарантией правового строя и самой "демократии".

Даже вынося за скобки тот факт, что такое разделение не имеет ничего общего ни с демократией, ни с правовым строем, все же необходимо подвергнуть критическому анализу такое утверждение, исходя не из семантических и вообще исторических определений, но из конкретных современных политических обстоятельств.

В первую очередь бросается в глаза, что в политических режимах с конституциями, предписывающими самым недвусмысленным образом такое разделение, на деле нередко получается обратное: все три власти, даже будучи формально разделены, по сути действуют в унисон. Дело в том, что кандидаты на эти три части государственной власти назначаются из одного единственного источника. Этим источником является тот или иной партийный аппарат. Больше того: зависимость от партаппарата не прекращается после момента выдвижения кандидатов. От партаппарата зависят не только дальнейшие выдвижения во время очередных выборов (что ставит так называемых "народных представителей" в перманентную зависимость от партаппаратов), но этот самый партаппарат обладает совершенно реальной властью над волей и совестью этих выдвинутых им "народных представителей".

Большинство конституций Латинской Америки предписывают категорическое разделение государственной власти, следуя в этом, в общем, теории Монтескье, а также и, в частности, конституции США. Однако, члены такой "отделенной" законодательной власти в этих режимах должны подчиняться фракционной дисциплине своих партий. Все "народные представители" в законодательных органах организованы по так называемым "блокам", причем каждый такой блок обладает управительными органами (председатели, секретари и т. д.), которые держат под строгой дисциплиной всех своих членов. Но дело касается не только чисто внешней дисциплины, как то, присутствия на заседаниях законодательных органов, но и — главным образом — указаний о том, как голосовать в тех или иных случаях. Члены исполнительной власти, а зачастую и члены судебной власти (по крайней мере, в какой-то своей части) тоже подвержены партийной дисциплине. Больше того, нередко глава исполнительной власти является одновременно и главой господствующей партии, то есть, чисто юридически, и главой тех членов законодательной власти, которые принадлежат к этой партии.

И. А.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ

МИТРОПОЛИТА ВИТАЛИЯ, ПЕРВОИЕРАРХА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ

ХРИСТОС РОЖДАЕТСЯ! СЛАВИТЕ!

Поздравляю с праздником Рождества Христова всех благоговейных пастырей и всю благочестивую паству нашей Русской Православной Зарубежной Церкви и желаю от Господа мира душевного, радости и Божиего благословения.

1986 лет тому назад от Приснодевы Марии родился Богочеловек — Господь наш Иисус Христос. Такое сверхестественное явление положило начало в истории рода человеческого новой христианской эры, новому летоисчислению от Рождества Христова. На таком непостижимом двойном чуде — Приснодевстве Божией Матери и Богочеловечности — Господь основал Свою Церковь, Которая чудесно живет в этом мире, будучи, по слову новомученика российского профессора Новоселова, — "тайной и таинством", — тайной для ума человеческого и святым таинством для души и сердца. Этот чудесный богочеловеческий организм, Церковь Христову, в котором сочетается видимое с невидимым, таинственное с явным, Божие с человеческим, диавол все время стремится низвести на степень обыкновенного человеческого общества, в котором действовала бы человеческая, растленная, испорченная воля, а через последнюю — его, диавольская воля, вместо воли Божией. Вот в чем вся сущность борьбы диавола с Церковью, его нерв, его жало.

Через все века своего непрекращающегося существования Церковь Христова хранила как "зеницу ока" свою внутреннюю свободу от пося-

гательств на нее сильных мира сего. Даже в самые благоприятные времена своего бытия Церковь отстаивала свою свободу от вмешательства в ее сокровенную жизнь, иногда, даже благочестивых, но не по разуму ревностных царей и императоров, потому что в них она видела, пусть благожелательную, но в конце концов, только человеческую волю.

Ни одному государству, ни одному народу, племени или обществу Господь не обещал непоколебимости, несокрушимости и непреодолимости до конца века сего. Только Церкви Своей Он определил эти свойства словами: "врата ада не одолеют ее" никогда и это потому, что Глава ее — Сам Всемогущий Господь. Чтобы увидеть, различить истинную Церковь среди этого моря сотен христианских, больших и малых, так называемых, "церквей", надо иметь в виду, во-первых, ее историческую, во времени, непрекращающуюся видимую преемственность от Самого Христа и Его святых апостолов и, во-вторых, в этом видимом сосуде, как в ракушке перламутровой, жемчужину истины. Одно без другого не может быть. И этими двумя свойствами обладает только Вселенская Православная Церковь, состоящая из многих поместных Православных Церквей. В данное время большинство поместных церквей потрясены во всем их организме страшным двойным ударом: новостильного календаря и экуменизма. Однако и в таком их бедственном положении мы не дерзаем и, упаси нас Господь

от этого, сказать, что они утратили Божию благодать. Мы провозгласили анафему экуменизму для чад нашей Церкви только, но этим мы очень скромно, но твердо, нежно, но решительно, как бы приглашаем задуматься поместные Церкви. В этом роль нашей самой малой, скромной, полу-гонимой, всегда на чеку, но истинной Церкви. Мы, de facto, не сослужим ни с новостильниками, ни с экуменистами, но если кто-либо из нашего духовенства, по икономии, и посягнул на это сослужение, то этот единичный факт никак не влияет на наше стояние в истине.

Хочу закончить свое послание дорогой нашей пастве словами пророка Исаии, столь ободряющими нас и так справедливо относящихся к нашей Русской Православной Зарубежной Церкви.

"С нами Бог, разумеете языцы, и покоряетесь, яко с нами Бог. Услышите до последних земли. Могуши покоряетесь. Аще бо паки возможете, и паки побеждены будете. И иже аще совет советеете, разорит Господь. И слово, еже аще возглаголете, не пребудет в вас. Страха же вашего не убоимся, ниже стужимся, яко с нами Бог".

Рожденный Младенец-Христос да пролет на души наши из Своих светозарных яслей Свет Свой присно-сущный, исполненный мира и радости.

Митрополит ВИТАЛИЙ

ТРОЙНАЯ ГЛАСНОСТЬ

Современная цивилизация во многих своих аспектах основывается на применении коллективного внушения для достижения тех или иных целей. В таких случаях, создаются целые агитационные кампании, будь то коммерческого, выборного или общеполитического характера. В свою очередь, все эти кампании вертятся вокруг определенных, специально подобранных слов. В "Фаусте" Гете вкладывает в уста Мефистофеля следующее заявление: "Как скоро недочет в понятиях случится, их можно словом заменить. Словами диспуты ведутся, из слов системы создаются; словам должны вы доверять: в словах нельзя ни йоты изменять".

В этом отношении, современную цивилизацию можно назвать скорее всего мефистофельской, а не фаустовской, как ее назвал Шпенглер, или прометеевской, как ее назвал Шубарт.

В так называемой "западной" половине этой современной цивилизации, наряду с финансовыми, идеологическими и прочими монополиями, существует также монополия общественного мнения. Для этой последней монополии, определенные слова-лозунги, общеидейного и по-

литического характера, выискиваются, подбираются и даже вырабатываются в специальных корпорациях, действующих как негласные мастерские, для их поставки на общественный рынок гласности. Цель — утвердить и на этом последнем рынке свою монополию.

Социалистический режим и в этом отношении является отпрыском этой общей современной мефистофельской цивилизации. Это видно не только из его организационной и общеполитической терминологии, но и в оперативной методике: при каждом повороте "генеральной линии", или при каждом очередном аврале, чеканятся новые фальшивые монеты, в виде тех или иных слов.

Является ли последнее из этих слов тоже такой фальшивой монетой, наспех отчеканенной, а до этого надуманной? Во всяком случае, Запад подхватил это слово, и за несколько недель весь мир познакомился с доброй дюжиной, (чаще всего плохих) переводов русского выражения "гласность". Как видно, масс-медиа настолько натренированы, что сразу чувствуют общую технику слово-продвижений, и немедленно рефлективно "срабатывают".

Однако, в данном случае существует простая возможность ответить на вышепоставленный вопрос. А именно, для этого необходимо проверить, распространится ли эта гласность не только на описание симптомов болезни, но и на ее диагноз.

Действительно, без гласного диагноза, все гласные описания отдельных симптомов будут потерей времени (или выигрышем времени, смотря для кого). Лишь гласный диагноз — который, в данном случае, возможно выразить одним словом: социализм — интегрирует все симптомы и все проявления болезни в одном единственном научном заключительном определении.

Лишь после этого второго этапа гласности — то есть этапа гласного диагноза — можно будет перейти к самому существенному, третьему этапу: этапу гласного лечения. Без этого третьего, а до него второго, этапа гласности, первый этап не имеет существенного значения. Сам по себе, он всего лишь своего рода колдовство, причем, как всякое колдовство, колдовство бессмысленное и бесплодное.

Н. СИДОРЕНКО

Кратчайший Толковый политический словарь

ВЕРХОВАЯ ВЛАСТЬ. Конкретное выражение принципа, принимаемого нацией за объединительное начало. Так как государство должно быть высшим союзом, осуществляющим условия существования не корпоративного, не сословного, не какого-либо другого, замкнутого в своих частных или групповых целях, но условия существования общечеловеческого, это государство немислимо без верховной власти, как реальной силы, которая по идее и своим задачам стояла бы выше всех других. Смысл верховной власти состоит в общем обязательном примирении. Когда возникает государство — это означает, что возникает идея некоторой верховной власти, не для уничтожения частных сил, но для их регулирования, примирения и вообще соглашения. В той или иной форме верховной власти выражается дух народа, его верования и идеалы — то, что он внутренне сознает, как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни (Л. А. Тихомиров. "Монархическая государственность". Буэнос Айрес, 1968, стр. 31, 33, 45, 67).

Верховная власть (Souverain) отличается от других властей, то есть от властей управительных (Gouvernement) следующим:

1. Она всегда основана на каком-либо одном принципе, она едина, сосредоточена и нераздельна, в то время, как власть правительственная, напротив, всегда более или менее представляет сочетание различных принципов и основана на специализации — порождая так называемое разделение властей (там же, стр. 37). Этим принципам власти всего три: власть единоличная, власть некоторого влиятельного меньшинства, власть общая, всенародная. Власть верховная требует единого направляющего принципа, тогда как власть управительная не только допускает, но и требует самого разнообразного сочетания различных принципов власти, смотря по частным надобностям правления (стр. 59).

2. Всякая верховная власть идеократична (по выражению Блюнчли), то есть находится единственно под властью своего идеала (стр. 68), в то время как управительные власти являются техническими, специализированными, то есть функциональными властями, обуславливаемыми обстоятельствами (стр. 34). Формы верховной власти обуславливаются нравственно-психологическим состоянием нации (стр. 67).

3. Верховная власть не может быть делегированной, в то время как власти управительные по самой своей сути являются властями делегированными и передаточными, представляемыми. Попытки делегирования верховной власти ведут к ее фальсификации, и на деле являются фикцией, ведущей к узурпации этой верховной власти. В монархиях к этой узурпации стремится бюрократия, а в демократиях — партократия политиканов. Во избежание этого, особое значение для верховной власти имеет самоуправление, которое чрезвычайно расширяет возможность прямого действия в правительственных учреждениях и освобождает силы верховной власти для прямого контроля и направления. Это одинаково относится ко всем формам верховной власти (стр. 59).

Ввиду систематического игнорирования этих различий между властью верховной и управительной, боль-

шинство определений верховной власти являются неполными и неточными, так как всякое полное определение требует указания ближайшего вида, к которому принадлежит определяемое существо и его отличительных признаков.

Л. А. Тихомиров, в указанном труде, приводит определение верховной власти В. Н. Чичерина, взятое из "Курса государственной науки" (часть 1, стр. 60), которое он называет "прекрасной формулировкой": "Верховная власть — едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присуща и есть источник всякой государственной власти". Она обладает "полновластием, как внутренним, так и внешним. Юридически она ничем не ограничена. Она не подчиняется ничьему суду, ибо если бы был высший суд, то ему бы принадлежала верховная власть. Она — верховный судья всякого права... Словом, это власть в юридической области полная и безусловная... Всякие ее ограничения могут быть только нравственные, а не юридические. Будучи юридически безграничною, верховная власть находит предел как в собственном нравственном сознании, так и в совести граждан" (стр. 42).

Современные западные определения верховной власти (sovereignty по-английски, souveraineté по-французски, soberanía по-испански, от superanus по вульгарной латыни, Oberherrschaft по-немецки) почти что всегда указывают на ее превосходство над всеми, на ее высший, превосходный характер, как государственной власти. То есть, это власть находящаяся над всеми (от super, над, сверх — по-латыни). В частности, суверенитетом обладает федеральное государство, но не штаты или провинции, так как первое стоит над вторым.

"Краткий политический словарь", Политиздат, М. 1969, определяет верховную власть, под словом "Суверенитет (верховная власть)", как "полную политическую независимость и самостоятельность государства в его внутренних делах и внешних отношениях... независимое от величины его территории, количества населения и общественного строя".

Это последнее определение говорит не о верховной власти, а о государстве, смешивая оба понятия. Такое смешение этих двух понятий (государства и его верховной власти) происходит зачастую, так как некоторые важнейшие признаки верховной власти передаются ею и всему государству. Например, "полновластие, как внутреннее, так и внешнее", по формуле Чичерина. Но, сов-

падение некоторых существенных признаков этих двух понятий, еще отнюдь не доказывает их полного совпадения. Государство никак нельзя свести к одной верховной власти и к ее свойствам, так как оно шире ее, и объемлет и другие элементы. Например, в случае советского государства, верховная власть в нем основана — выражаясь словами Тихомирова — на "едином направляющем принципе власти определенного влиятельного меньшинства" каковым является, согласно конституции этого государства, коммунистическая партия. Эта верховная власть — по выражению Блюнчли — "идеократична", то есть "находится единственно под властью своего идеала". Поэтому, коммунистическая партия в СССР, занимая место верховной власти, и коммунистическая идеология, занимая место народных верований и идеалов, в этом отношении "постоянна и ненарушима", согласно формуле Чичерина, то есть по самой своей сути не поддаются эволюции или изменениям. Изменения или мутации происходят, однако, как во внешней, так и во внутренней обстановке, что и ведет к дополнительным противоречиям, в добавлении к коренным противоречиям между действительными народными верованиями и насильно навязанной идеократией, чисто внешне исполняющей роль "объединительного начала". Больше того, в самых недрах этой верховной власти коренится непреодолимое противоречие и глубочайший парадокс: она сама в себе не имеет никакого предела, за отсутствием всякого нравственного сознания, а также принципиально игнорирует всякий предел в совести граждан. Но, если она и передает советскому государству свои свойства "безответственности... юридической полноты, безусловности и безграничности" (по Чичерину), и если она и "является источником всякой государственной власти", это еще не значит, что все советское государство состоит только из нее.

Эти два смешения верховной власти (с властями управительными и самим государством) ведут к большому затруднению для теоретического уяснения роли верховной власти как власти учредительной. В современной государственной науке считается, что среди всех государственных законов необходимо выделять некоторые основные законы — или один основной закон — именуемые *конституцией*. Конституция, в согласии с этими теориями, является "высшим законом", что неизбежно ведет, в свою очередь, к возможности отождествления этого "высшего закона" с "высшей властью". Но, так как почти что все современные конституции являются писаными, встает вопрос: кто является их настоящим автором, помимо непосредственных редакторов? Ведь только "высшая

ОТКЛИКИ НА "НАШУ СТРАНУ"

В № 489 выходящего в Израиле на русском языке беспартийного еженедельника "Круг" была перепечатана статья И. Рыбкина, "Политические несуразности", из отдела "Дискуссия о будущем устройстве государства", из "Нашей Страны" № 1883.

В № 497 "Круга" была также перепечатана (в сокращении) передовица Н. Федоренко "Паритет на глиняных ногах", из "Нашей Страны" № 1894.

власть" может быть автором "высшего закона". Конечно, должна быть разница между творцом и творением. Кто же этот творец, автор, учредитель, источник легитимности? Этим источником высшего закона не может быть простая законодательная власть, то есть одна из управительных властей, даже если она формально и считается представительницей народа, то есть верховной власти в демократических государствах.

Эти теоретические затруднения помогают вскрыть настоящую сущность верховной власти. Действительно, если простая законодательная власть не может в обыденном порядке учреждать и изменять уже учрежденные конституции, то это лишь подтверждает, что верховная власть не подлежит делегированию, в отличие от других властей.

Выход из этого положения обыкновенно ищут в двух направлениях: апелляцией к стоящему вне государства источнику, или апелляцией к непосредственному, но абстрактному источнику. К первому случаю относятся конституции Канады и Австралии, учрежденные в свое время Вестминстерским Парламентом Объединенного Королевства, как и конституции других доминионов. После Вестминстерского Статута 1931 года, законы британского парламента перестали иметь силу "высшего закона" в Доминионах, но Канада и Австралия, главным образом в силу их федеративного устройства, добровольно отказались — по крайней мере до сих пор — от права на изменения полученных извне конституций. К другому случаю относятся такие конституции, как, например, США, в которых провозглашается, что они установлены прямо "гражданами", помимо всяких представителей. По этому поводу Гамильтон писал в "Федералисте", что "никакое законодательное действие против конституции не может быть действительным", так как "нельзя утверждать, что делегат первее того, кто выше его... что представители народа предшествуют народу". Однако, в этом случае, как и во многих других, это формальная условность, так как на самом деле, "говоря по правде, можно сказать, что "народ" — весь народ... никогда не разработал ни одной конституции и никогда не мог бы этого сделать" (К. С. Wheare. "Modern Constitution"). Следовательно, можно выдвинуть гипотезу, что в режимах с писаными конституциями верховная власть принадлежит тем или иным "влиятельным идеократическим меньшинствам", в состав чьих "идеалов" входит доктрина, что они призваны представлять весь народ и действовать и говорить от его имени. Конституции этих режимов, в свою очередь, являются лишь политической проекцией этих идеократических доктрин.

И. АНДРУШКЕВИЧ

Из редакционной почты

ПЛАН ДАЛЬНЕГО ПРИЦЕЛА

"... В Советском Союзе уже долгие годы, в последнее время особенно, делаются шаги, чтобы русский национализм смешать с марксизмом, советскую власть объявить наследницей нашей истории. Идея у них — коварная, увя многие эмигранты на Западе ее поддерживают... Придет время, когда будут говорить — великие русские — Александр Невский, Дмитрий Донской, Владимир Ленин и т. д... Наступит время, если мы не будем и дальше бороться за кристальную чистоту русского национализма и за непримиримость к коммунизму, когда все то, что говорится и пишется в Советском Союзе — будет считаться правдой, да еще при поддержке некоторых эмигрантских органов... Вот, это и дальнецельный план советчиков, чтобы русский национализм всецело подчинить себе..."

ятное объяснение сводится все к той же предусмотрительности, на основании которой ген. Беляев предлагал развести мосты на покрытой саженым слоем льда Неве. Но, во всяком случае, хлебный бунт был наилучшим поводом к Февралю: хлебные перебои дискредитировали власть в самой гуще населения, а даже и маршевые батальоны автоматически ставились в очень неудобное психологическое положение: стрелять в голодных баб? Одно дело — социалисты и революционеры, другое дело — бабы, которым, может быть, дома детишек кормить нечем. И вот, на этом общем фоне А. И. Гучков разыграл то ли свои, то ли не свои "Каньы". О заключительном плане этих "Кань" рассказывает почти с полной ясностью сам А. И. Гучков ("Падение царского режима", том IV, стр. 277-278):

"Я ведь не только сочувствовал этим действиям, но и принимал активное участие. План заключался в том (я только имен называть не буду), чтобы захватить между Царским Селом и Ставкой императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство, затем объявить, как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собой правительство".

Это было заключительной частью гучковского стратегического плана. Как мы уже знаем, эта часть была выполнена на сто процентов: императорский поезд оказался отрезанным и от столицы и от армии, Государь Император оказался в буквальном тупике и никакого выхода у Него не было. С. Ольденбург пишет (стр. 257):

"Поздно гадать о том, мог ли Государь не отречься. При той позиции, которую занимали ген. Алексеев и ген. Рузский, возможность сопротивления исключалась: приказы Государя не передавались".

— 78 —

как мы уже знаем, удался блестяще: сидим мы все, уцелевшие, в эмиграции и решительно не знаем, где именно мы будем сидеть завтра. И всякий из уцелевших — по собственному благоусмотрению своему — ищет виновников там, где ему благоугодно. Левые — в Государе Императоре, правые — в А. Керенском. Впрочем, некоторые правые, вот вроде Ипатьева, не щадят и памяти Государя Императора, а некоторые левые, вот вроде П. Сорокина или Р. Абрамовича не очень стесняются и с А. Керенским. Историки революции занимаются бирюльками — "повестью о том, как поссорился Иван Иванович Милуков с Иваном Никифоровичем Маклаковым". Сущность же вопроса заключается в том, что на этом отрезке исторического времени скрестились две несомненно линии развития: безусловная необходимость для страны сменить свой правящий слой и такая же невозможность менять его во время войны и подготовки к войне. Монархия стремилась пройти это "узкое место" эволюционным путем. Не прошла. Разные люди играли в этом вопросе разную роль. Сейчас, когда процесс завершен, нам он кажется "исторически predetermined", но это древний спор между детерминизмом и индетерминизмом, спор, для которого на страницах газеты места нет. Разные люди играли разную роль. Основной пружиной революции был, конечно, А. И. Гучков. Основной толчок революции дали, конечно, чухонские бабы. Чухонские бабы не имели, конечно, никакого понятия о том, что именно они делают. Горькая ирония истории заключается в том, что А. И. Гучков понимал никак не больше чухонских баб.

"КАНЬЫ" А. И. ГУЧКОВА

Итак, все фигуры на шахматной доске заговора — самого трагического и, может быть, самого гнусного в истории человечества, были уже расставлены. С самых верхов общества была пущена в самый широкий оборот клевета о Распутине, о шпионаже, о вредительстве, — клевета, которую даже и В. М. Пуришкевич самоот-

— 76 —

ломатические отношения, и тяжкая борьба с нашим недоношенным парламентом и, Бог его знает, что еще. И вот тут то Государь Император допустил роковой недосмотр: поверил генералам Балку, Гурко и Хабалову.

Именно этот роковой недосмотр и стал исходным пунктом Февральского дворцового переворота.

А этот дворцовый переворот стал, в свою очередь, исходным пунктом не для одной и воображаемой Февральской революции, а для всего того революционного процесса, который начавшись свержением Царя, сейчас привел нас всех к порогу Третьей Мировой войны.

О поведении ген. Хабалова могут быть, конечно, разные мнения: наиболее лестное сводится к тому, что в Февральские дни он "растерялся". Акад. В. Н. Ипатьев приводит другой, на этот раз истинно классический, случай генеральской растерянности. В томе II, на стр. 9 он рассказывает о заседании, на котором присутствовал он сам. Заседание происходило у военного министра ген. Беляева, 22 февраля, и было посвящено вопросу о надвигающихся "беспорядках". Для предотвращения распространения этих беспорядков на весь город, "растерявшийся" ген. Беляев не нашел предложить ничего более умного, как... развести мосты через Неву, — это в феврале, когда по Неве не только люди, а и трамваи ходят. Чем же все это было? Растерянностью или планом?

Попробуйте соединить все отдельные точки этого плана в одну линию: срывается вооружение полиции, в столице концентрируются сотни тысяч заведомо ненадежных людей, НЕ выполняется Высочайшее повеление об их уводе, НЕ выполняется Высочайшее повеление о переброске гвардии, НЕ выполняется Высочайшее повеление о подавлении бабьего бунта. И в качестве исходной идеологической базы этого "плана" стоит распутинская легенда, вышедшая из тех же кругов.

Легенда — исключительно живучее существо. Легенда о распутинском влиянии живет и до сих пор, хо-

— 71 —

ционной Следственной Комиссии. Убийство Распутина превратило легенду в факт: не из-за прихоти же, в самом деле, люди пошли на убийство! Очень вероятно, что та историческая наука, которая когда-то, наконец, появится у нас, очень многое объяснит общественной и стерилой. Очень может быть, что какие то данные мы узнаем еще и о немецких махинациях в России. Всех их, повидимому, мы не узнаем никогда. — по крайней мере достаточно подробно и документально. В 1921 году П. Струве, тогда уже законченный монархист, писал в "Русской Мысли":

"Германия, которой в русской революции принадлежала роль устроителя и финансирующей силы, создала целую литературу о ней, в связи с государственным банкротством России. Это были теоретические проекты того разрушения России, за которое во время Мировой войны Германия взялась практически".

Это было написано за двадцать лет до германо-советской войны, в которой "теоретические проекты разрушения России" приняли окончательный звериный характер. Но еще и сейчас, и после этой войны, находят русские и даже "национальные" публицисты, которые проливают слезы по нюрнбергским висельникам, строят совершенно детские легенды об "английском заговоре" и все еще мечтают то ли о генерале Эйхгорне, то ли о партайгеноссе Кохе. "Кого Бог захочет погубить — отнимет разум". Кого Бог продолжает губить — разума не возвращает.

Лично я думаю, что в подготовке Февраля немецкие деньги никакой роли не играли. Эту подготовку вели люди, которые, как и царевницы 11 марта 1801 года, не нуждались ни в каких деньгах: богатейшие люди России. Но подпольный мир Обводного Канала, ночлежек, притонов, отчасти и случайных новых рабочих петроградской промышленности, был использован немецкими деньгами до конца. Однако, все это было уже после Февраля. Сейчас я говорю только о

— 73 —

тя советские данные (см. у Ольденбурга на стр. 193) не оставляют абсолютно никакого сомнения в том, что никакой политической роли Распутин не играл. Легенда выросла, как писал крайне правый историк русской армии А. Керсновский, "из августейших салонов". Тот же акад. В. Ипатьев повторяет ее в своих мемуарах, и повторяет ее, как не подлежащий никакому сомнению факт. Итак: академик, царский генерал, один из крупнейших химиков современности, сообщает американо-американской аудитории о слабости и бездарности Царя, о влиянии Царицы на Царя, и Распутин — на Царицу, и о том, что в общем и целом, русскую политику определял Распутин. Кто из американцев не поверит академику Ипатьеву и кто поверит И. Солоневичу и С. Ольденбургу? В. Ипатьев рекомендует себя, как человека, стоящего вне политики, как химика и философа. И в качестве доказательства распутинского влияния приводит такой факт (стр. 411, том. I): "супруга одного "почтенного генерала" просила отправить ее мужа в Крым на казенный счет в поезде для раненых. Получив от Красного Креста отказ, она, вместе со своей сестрой, очень милостивой женщиной, вдовой тоже генерала, отправляется к Распутину и устраивает своему мужу бесплатный проезд". Есть маленький намек на то, что протекция была оказана не вполне бесплатно. Итак, вот вам "влияние".

Проезд из Петербурга в Крым стоил первым классом, вероятно, рублей пятьдесят, и за пятьдесят рублей жена и вдова генерала ("обе состоятельные женщины", отмечает ген. Ипатьев) идут к "старцу". Других примеров у академика Ипатьева нет. Едва ли кто либо из его американских читателей уловит полную несообразность этого примера. А легенда укреплена еще больше: выдающийся ученый, царский генерал, беспристрастный человек, стоящий вне партий и вне политики... И, вот, да же он...

Повторяю еще раз: выпуская книгу, проф. В. Ипатьев мог и был обязан привести кое-какие справки, мог проверить слухи по материалам послереволю-

— 72 —

Феврале. В феврале месяце Петроград представлял собою пороховой погреб, к которому оставалось поднести спичку. Роль этой спички или детонатора или "случая" — называйте, как хотите, пришлось на долю чухонских баб. Так что, при добром желании, историю Февраля можно редактировать так: в Февральской революции виноват А. Керенский. Но можно редактировать и иначе: Февральскую революцию сделали чухонские бабы Выборгской Стороны.

ДЕТОНАТОР ПРИ ПОГРЕБЕ

Итак: концентрацией в столице тысяч двухсот всякого рода белобилетников и бытовой обстановкой, в которую эти белобилетники были поставлены, — в этой столице был создан пороховой погреб. Ни левые вообще, ни Государственная Дума в частности, — ни кто кроме "военного ведомства" этого погреба создать не мог, хотя бы уже просто технически. Было ли это демонстрацией "глупости", или подготовкой "измены", — каждый может решать по своему, — но треть его объяснения нет. И вот, при этом погребе, — на этот раз уже автоматически, сам по себе, создался и "детонатор": чухонское бабье Выборгской стороны.

На эту тему ни в одной "истории революции" я не нашел никаких указаний и никакой статистики. Дело же заключалось в том, что призывы в армию оставляли в петроградской промышленности огромный людской пробел: никаких льгот по призывам военная промышленность не получила, а Петроград был главным образом центром металлургической промышленности. Нехватка вооружения отчасти объясняется нехваткой рабочих. В Петрограде эту нехватку кое как восполнял приток женских рабочих рук из окрестностей Петрограда. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в статье "Санкт-Петербург" — в подстрочном примечании сказано, что из ста жителей окрестностей Санкт-Петербурга в 1897 году, 96 показали своим родным языком не русский язык (привожу по памяти,

— 74 —

верженно развозил по фронтам. Вся гвардия была заблаговременно убрана из столицы — и ее "бессмысленно губили на Стоходе", как писал ген. Б. Холмстон. Действительно, губили — совершенно бессмысленно. Ибо отход русских армий вызывался не нехваткой бойцов и, еще меньше, нехваткой у них мужества, а просто недостатком вооружения: этот недостаток никакая гвардия, конечно, восполнить не могла. Гвардия была заменена "маршевыми батальонами", для размещения которых не нашлось, видите ли, места во всей России. Предупреждение Протопопова, предупреждение прессы, приказы Государя Императора не помогли ничему: маршевых батальонов из столицы не удалили.

Приказов Государя о переброске в столицу гвардейской кавалерии не выполнили. Столица была во власти "слухов" и в распоряжении маршевых батальонов. Не хватало одного: повода. Так, в 1914 году, Германия Вильгельма Второго довела свою босую готовность до последнего предела и войны откладывать не могла. Раздался "сараевский выстрел". Если бы не было его, — нашлось бы что-то другое. Если бы не нашлось чего-то другого, было бы спровоцировано что то третье: времени терять было нельзя.

В феврале 1917 г. в Петербурге, — не только в нем одном, — действительно начались хлебные "перебои". Их обострили все те же слухи: хлеба скоро вовсе не будет. Обыватель бросился закупать и сушить хлеб в запас. В литературе были указания на сознательную подготовку этих перебоев. Указания эти проверить невозможно. М. Палеолог сообщает, что в результате исключительно жестоких морозов в январе и феврале — 57 тысяч вагонов с хлебом застряли на железнодорожных путях, — это больше пяти миллионов пудов хлеба. Революционная пресса, — уже после Февраля сообщала, что Калашниковские склады оказались переполнены зерном, — это очень мало вероятно, так как после "перебоев" Февраля 1917 г. дальнейшие месяцы, и каждый месяц все хуже и хуже, — приносили с собой переход от "перебоев" к просто голоду. Самое веро-

— 77 —

но точно). Именно этот элемент несколько позже, в марте и апреле 1917 года тащился с санками и салазками в заводоуправления получить "недополученную" заработную плату за все время работы, — в представлении этих чухонек эту заработную плату можно было вывезти только на санках — никаких карманов или даже корзин для нее не хватило бы. 23 февраля 1917 г. был "Международный женский день", кое как использованный большевиками: чухонские бабы вышли на улицы Выборгской стороны и начали разгром булочных. Так что, если следовать по стопам некоторой части нашей публицистики, и из всех звеньев русской революции выбрать одно — по вкусу и усмотрению своему, то можно сказать и так: русскую революцию начало чухонское бабье.

М-сье Талейран, сидя в эмиграции, говаривал: "Во французской революции виноваты все — то есть никто". Этот афоризм можно, конечно, оспаривать, но нет никакого сомнения, что кн. С. Волконский прав: Россию губили с обеих сторон. И можно было бы добавить: и из центра.

Знаменитый Клаузевиц всю свою жизнь анализировал Канны. Стратегическая идея Канны была очень проста: охват обоих флангов и прорыв центра. В результате этого стратегического маневра, римская армия была почти поголовно истреблена. Канны не помешали тому, что Ганнибалу пришлось искать спасения в бегстве и потом покончить жизнь самоубийством. Сейчас можно с достаточной степенью обоснованности предполагать, что у Ганнибала охват флангов и прорыв центра просто вышел сам по себе — ни до, ни после Канны этот маневр не удастся ни одному полководцу истории. Но в 1916-1917 г. г. наш обезумевший и правящий класс (см. А. Мосолова), сам не отдавая себе и как о го отчета в том, что именно он делает, повторил ганнибальский маневр с тем, чтобы потом разделить и ганнибаловскую судьбу: охват русской государственности с обоих флангов — и слева и справа, и прорыв ее центра — дворцовый переворот. Маневр,

— 75 —

БИБЛИОГРАФИЯ

Л. Друскин. "Спасенная книга" (Лондон, 1984).

Начинаю читать с интересом эти воспоминания ленинградского поэта. Мой город, судьбы моего поколения... история мальчика из более или менее интеллигентной семьи... Увы! Только и общего находишь, что он, как и я, зачитывался в детстве романами Берроуза о марсианах.

Самое расхолаживающее, — утверждение автора, будто он вплоть до оккупации Чехословакии (а революция в Венгрии что ж он, проспал?) верил в советскую власть и не видел никаких ее недостатков. Ну, положим, он был с детства парализован и прикован к постели... Однако, он сам настойчиво подчеркивает, что он, с помощью друзей, всюду бывал, все видел, был в курсе дел... Ну, опять-таки, происходил он из еврейской среды, а известной части еврейства тогда казалось, что советская власть, это — их власть. Но проскальзывает у него довольно прозрачно, что все он знал; что даже у его ближайших друзей порою родители были арестованы... Почему не сказать прямо: предпочитал не знать?

В дальнейшем, признанный поэт, член Союза Писателей, Друскин дает нам ядовитые портреты своих коллег. Вот А. Гинзбург, в "Континенте" № 49, его упрекает, зачем он С. Маршак слишком мягко изобразил. А это скорее мемуаристу делает честь: тот, кто обо всех говорит плохо, верно уж и сам скверный человек.

Да, Маршак у него, — скорее симпатичен. Вскрывается, между прочим, что тот верил в Бога и иногда даже в том признавался, хранил всегда с собою Евангелие. Факт, что Маршак ни за кого не заступался (впрочем, выясняется, что и заступался за некоторых) — на фоне того страшного времени не особенный грех. Злодеи, они как раз не молчали: они других топили и губили. А Маршак был крепко напуган, и не зря: его чуть-чуть не постигла такая же участь как многих. Что он хороший переводчик, — из Бернса особенно, — трудно было бы отрицать. А это уже — серьезная заслуга перед русской литературой.

Хуже с другими суждениями Друскина, порою грубо несправедливыми. Он считает, что О. Берггольц была посредственной поэтессой! Да у нее в одном пальце больше таланта, чем в Друскине целиком, со всеми потрохами! А уж как у него рука поднялась обругать ее дивную книгу в прозе "Дневные звезды", — непостижимо. Зависть, что ли? И тут же восхваления ее передач из блокадного Ленинграда, — о которых лучше бы и забыть. "Мне совершенно непонятен ее неожиданный взлет" — шипит Друскин. Удивляться ли, нет ли, но это был случай *взлета* могучего таланта; случай, пожалуй что, и редкий в Советском Союзе; оно верно.

Об одном из самых способных и выдающихся сейчас подсоветских писателей, Д. Гранине, Друскин изрекает: "Писатель он, по-моему, плохой", — доказывая тем полную свою некомпетентность в сфере литературной критики. Фигура чукчи Юрия Рытхейу, диничного дельца от литературы ("Я знаю, какой товар нужен") зарисована метко и вероятно правдиво (хотя его талант преуменьшен). Но только... остается впечатлением, что в резкости описания сыграло немалую роль то, что Рытхейу не захотел выхлопотать Друскину квартиру.

Описание всякой литературной мелкоты в главе "Банка с пауками" весьма любопытно; но, поскольку

речь о людях нам совсем или почти неизвестных, судить о правильности нельзя.

Очень хорошо, ярко, искренно охарактеризована невыносимость, нудная навязчивость, топорная фальшивость советской пропаганды. Да вот, тем более странно, что писателю понадобилось дожить до 50 или 60 лет, чтобы это заметить. Почему-то мы все видели с самого начала!

Иные вещи, важные и интересные, недоговорены и загадочны. Почему вдова А. С. Грина, в старости, боялась ареста? Что она, сидела? Когда и по какому поводу? Нигде ведь про нее не рассказано.

Придя ныне в иной, антисоветский лагерь, Друскин больше всего на свете стыдится своих юношеских стихов, которые все-таки тут же приводит. А что ж? Совсем неплохие стихи:

Где воздух от бензинового
Запах прогорк,
Кичась домов махинами
Раскинулся Нью Йорк.

К нему из царства голода
Рабов кровавый пот,
Перегоняясь в золото,
По шупальцам течет.

Но разве можно говорить худое — и особенно, правду! — об американцах? Хотя в других местах он, на беду проговаривается о них еще яснее. Великолепна картина идиотов-туристов в СССР. Некий американец Валдек уговаривает подсоветского интеллигента эмигрировать в США: "Да, вероятно, вы не будете там ни писателем, ни артистом. Вы станете, к примеру, мойщиком окон. Но зато будете свободны". Ничего себе, соблазнил. Вполне кстати эта глава, и называется "Совсем обалдели".

В общем, если читать с осторожностью, — кусочки правды в "Спасенной книге" есть. А написана она вполне литературно и удовольствию читателю может доставить.

Владимир Рудинский

Вышла из печати и поступила в продажу:

"ПАМЯТКА 1-ой РУССКО-СЕРБСКОЙ ГИМНАЗИИ. БЕЛГРАД 1920 — 1944".

Прекрасно изданная книга содержит большое количество фотографий.

Цена: 23 ам. долл.
В Аргентине: 20 австралий.

Заказы направлять по адресу:

Mr. G. MITKEVICH — 2 Peter St.
HUNTINGTON STA. NY 11746 USA
Tel. (516) 421-5606

В Аргентине по адресу:

Sra. M. de LOVCOVS — Pasaje 134
No. 751, 1653 V. BALLESTER
Proy. Bs. As. Tel. 768-3237

ПЕЧАТЬ

ГУМИЛЕВ ПО-ЛЕВОМУ

В № 90 журнала "Время и Мы", Е. Эткинд восторженно приветствует опубликование в СССР даже не собрания сочинений Н. Гумилева, а только подборки стихов его в советском журнале "Литературная Россия" и стихотворения "Капитаны" в "Огоньке".

Конечно, это хорошо, что подсоветские массы смогут хоть какие-то стихи Гумилева прочесть в официальной печати. Что интеллигенция его все равно знала и ценила, вопреки всем запретам, — в том числе иногда и партийцы и верные служители властей, — общеизвестно; и сам Эткинд сие подтверждает.

Скверно только то, что он явно хотел бы Гумилева препарировать для публики по-своему. Он цитирует отзыв о Гумилеве некоей В. Тимофеевой, опубликованный в 1969 году в "Истории русской литературы":

"Поэт-монархист вступил на путь борьбы против победившего народа, стал участником контр-революционного заговора, и понес заслуженную кару", и формулирует ей такие возражения:

"Для В. Тимофеевой почти что бессудный расстрел поэта на основании сомнительных, скорее всего сфабрикованных обвинений, это — "заслуженная кара". Так в Советском Союзе академические литературоведы становятся защитниками, а то и сотрудниками ЧК".

Здесь правда хитро переплетена с ложью. Гумилев действительно был монархистом и антикоммунистом, что и выразилось в его активном противодействии советской власти, принявшем форму участия в таганцевском заговоре.

Со своей советской точки зрения, Тимофеева и права: большевики расправились со своим убежденным врагом. А кого хочет обмануть Эткинд? Пока он в Советском Союзе изображал Гумилева политически нейтральным или даже расположенным в пользу советской власти, это была неправда; но отчасти, допустим, — во спасение: ибо имевшая целью добиться снятия запрета с поэзии Гумилева, доходившего до невозможности упоминать хотя бы его имя.

А вот продолжая распространять те же выдумки в эмиграции, где правда всем известна (хотя и не всем приятна), он делает уже нечто совсем не нужное и не похвальное.

В. Р.

Политический Калейдоскоп

В "Политическом калейдоскопе" в № 1899 было высказано мнение, что повторение в США скандалов на подобие иранского, "может быть указывает на не совсем удачную структуру высших правительственных органов" этой страны. Бывший советник по вопросам безопасности США Збигнев Бжежинский, в статье в "Нью Йорк Таймсе" недавно высказал подобную же точку зрения. Он пишет, что кризисное состояние внешней политики США вызывает "беспокойство среди наших главных союзников насчет природы наших процессов для принятия решений и увеличивающееся смятение насчет стратегической доктрины исполнительной власти, а также и возможные возможности для советов использовать все эти проблемы". Он считает, что "было бы трагедией, если бы он (президент Рейган) оставил свою должность, как очередная жертва того, что начинает казаться кризисом президентской институции, которая длится уже четверть века".

Бжежинский считает, что встреча в Рейкьявике тоже была неудачной, и что ее необходимо считать частью кризиса внешней политики США. В "Политическом калейдоскопе" в № 1889 было высказано мнение, что эта встреча была вызвана не только необходимостью поисков соглашения, но и необходимостью — со стороны СССР — спасти систему. Бжежинский пишет, что эта встреча, "созванная поспешно, без всякой видимой причины и без предварительной повестки превратилась в серьезный процесс переговоров, в котором стратегическая доктрина, почитаемая в течение 30 лет, вдруг была перевернута". Согласно ему, в Европе озабочены, что можно было так "изменить понятия и практику доктрины расширенного сдерживания".

Этот "переворот в стратегической доктрине" был сформулирован бывшим советником по национальной безопасности Пойндекстером (подавшим в отставку в связи с иранской аферой), как "иное будущее, в котором устойчивость равновесия будет обеспечена стратегической обороной, в то время как стратегические наступательные силы будут коренным образом уменьшены" ("Паритет на глиняных ногах", "Н. С.", № 1894). Бжежинский предлагает, "вместо того, чтобы говорить о возможном "щите" над США, принять некоторые меры для начального развертывания... ограниченной стратегической обороны, способной защитить стратегические силы и главные центры контроля и командования страны". Таким образом, в будущих переговорах вопрос должен будет стоять о возможных "комбинациях между наступательными и оборонными силами".

В самом СССР и не думают сокращать наступательные силы. Известный комментатор Drew Middleton отмечает, что СССР располагает семью дивизиями десантных войск и 10-ю тяжелыми штурмовыми бригадами, подготовленными для транспорта воздушным путем. Он намекает, что существуют опасения о возможности применения этих сил в... Иране, в случае потрясений в этой стране. Не связана ли "иранская афера" с этими опасениями?

П. Н.

Волею Божией 18 августа 1986 года скончался в Риме, бывший генеральный секретарь Российского Народно-Монархического Движения, журналист

профессор СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЗИГРИСТ
(Литературные псевдонимы:
СЕРГЕЙ ГРОТОВ, АЛЕКСЕЙ РОСТОВ)

о чем к величайшему сожалению с большим опозданием сообщает редакция "Нашей Страны" и выражает свое неподдельное соболезнование вдове покойного Александре Ниловне, бывшей корреспонденткой газеты на Втором Ватиканском Соборе.

Мир его праху!

В Аргентине

ПРИГОВОР ВЕРХОВНОГО СУДА

Как уже было отмечено в "Нашей Стране" в № 1903, конец прошлого года в Аргентине прошёл под знаком так называемого закона о "конечной точке". Между прочим, лидер либерально-консервативной партии "Союз демократического центра", инженер Альваро Альсогарай, заявил в одном интервью по радио, что этот закон идет на руку не военным, а членам подрывных организаций, находящихся в эмиграции. Инженер Альсогарай сказал, что по истечении 60-дневного срока (то есть в конце февраля с. г.), эти члены подрывных организаций смогут беспрепятственно вернуться в Аргентину, так как против них уже нельзя будет возбуждать судебных дел за их террористические акты, ввиду их "давности", провозглашенной этим законом. Между тем, в то же самое время, против членов вооруженных сил принимавших участие в борьбе с подрывными организациями ежедневно возбуждаются новые дела, до истечения 60-дневного срока. Некоторые палаты федеральных судов даже не взяли традиционного отпуска в январе, когда в Аргентине все суды закрываются, оставляя лишь дежурных судей для особенно спешных дел. Газеты пишут о возбуждении судебных дел против многих сотен (а то и тысяч) членов вооруженных сил.

Почти одновременно с принятием закона о "конечной точке", Верховный Суд утвердил окончательно приговоры произнесенные в конце 1985 года федеральной палатой Буэнос Айреса против девяти главнокомандующих первых трех военных правительств Аргентины, в годы 1976-1981. Как известно, четыре из них были оправданы, а пять приговорены к тюремному заключению, причем двое на пожизненные сроки. Верховный Суд лишь немного сократил сроки в двух случаях, оставляя в силе и подтверждая все остальные приговоры.

Бывший президент Хорхе Рафаэль Видела, осужденный на пожизненное заключение, отправил по этому случаю Верховному Суду заявление, в котором, между прочим, говорил, что Верховный Суд "утвердил приговор, который произнесла, узурпируя судебные функции, исполнительная власть, посредством декрета 158/83, и который был ратифицирован федеральной палатой, действовавшей как специальный трибунал, образованный для того, чтобы осудить нас, которые командовали вооруженными силами, силами безопасности и полицейскими силами, защищавшими нацию во время революционной войны, объявленной подрывными организациями. Верховный Суд таким образом способствовал реваншу террористов, узаконивая несправедливый процесс, в котором были совершены тягчайшие нарушения конституции. ...Я сказал и повторю, что принимаю мое произвольное осуждение, как акт служения моей родине. Прощаю, как христианин, тех, кто клеветал на меня и оскорблял меня. Сожалею, что оскорбления распространились на военные учреждения, посредством впечатляющей диффамационной кампании, развернутой безнаказанно со стороны официальных средств информации..."

В свою очередь, в редакционной передовице газеты "Аргентинишес Тагеблат", выходящей 98 лет в Буэнос Айресе на немецком языке, и во время Второй Мировой войны занимавшей непримиримую антифашистскую позицию, о приговоре Верховного Суда сказано следующее:

"По сути дела, налицо политическое решение, для которого были подысканы соответствующие юридические аргументы. Это должно быть единственный случай в мировой истории, когда одна война, как таковая, была трактована на основании гражданского уголовного кодекса, так что военные действия превратились в простые убийства и в другие преступления. Коммунисты и их многочисленные спутники при этом придерживались тезиса, что

этот случай подобен осуждению нацистских преступников в Нюрнберге. Однако, это сравнение хромает: в Нюрнберге речь шла о преступлениях, не имевших ничего общего с ведением войны как таковой, и которые, наоборот, ослабили Германию в военном отношении. В Аргентине речь была якобы о методах борьбы против терроризма, но в действительности она была о борьбе как таковой. Политики и судьи при этом остерегались употреблять слово "война", несмотря на то, что террористы с самого начала все время говорили о "революционной войне", и одна из частей даже обратилась к Объединенным Нациям, чтобы их признали как сторону ведущую войну. Именно поэтому военные не хотели в 1976 году объявить открыто военное положение; они боялись дать аргумент в пользу тезиса террористов. Однако, это было ошибкой. Приговор Верховного Суда политически обозначает разрыв между правительством и вооруженными силами. Многие военные, которые раньше еще надеялись, что приговор будет в пользу главнокомандующих, теперь знают, что им больше нечего ожидать от этого правительства... Сначала можно было бы думать, что вооруженные силы должны примириться со своей судьбой, так как нет ни малейшей возможности государственного переворота и сами офицеры такового вообще не желают. Но, в мире в котором мы живем, терроризм все же является действительностью. И нет никакой причины, чтобы Аргентина на долгий срок была им пощажена... В Аргентине террористические организации восстанавливают свою структуру с начала правительства Альфонсина. Информация, которая просочилась о их движениях, скорее всего ужасающая... Пока шли процессы против главнокомандующих, террористы не могли вести себя активно, чтобы не вызвать положительных приговоров в пользу военных. После того, как дело главнокомандующих теперь окончательно решено, а террористы не согласны с так называемым "законом конечной точки", может быть и созрело время для террористических акций... Маловероятно, что вооруженные силы возобновят борьбу против терроризма. В основном, они этого и не могут делать, после того, как юстиция практически решила, что войну можно вести лишь со сводом уголовных законов в руке. Опыт показал с избытком, что полиция сама не может справиться с терроризмом... Значит, прежде чем вооруженные силы снова смогут согласиться на вступление в борьбу с терроризмом, все это дело нужно будет снова пересмотреть на высшем уровне, причем становится неизбежной амнистия... Правительству и стране, оправдательный приговор Верховного Суда был бы полезнее, чем это осуждение... Как бы не развивалось это дело, глубокая трещина между правительством и вооруженными силами не сулит ничего доброго. Ортега и Гассет сказал однажды, что "упрямые действительности всегда ищут себе отмщения"..."

Б. П.

О П Е Ч А Т К И

В № 1895-ом "Нашей Страны", в отделе "Библиография", в рецензии "Песенника Российского Воина" вкрались досадные опечатки. Следует читать:

"Песенник Российского Воина", том 2. Под редакцией В. Н. Мантулина, Нью Йорк, 1985. А также в конце: Заказы направлять по адресу: V. N. MANTULIN, 118 Naurashaun Rd. PEARL RIVER, NY 10965 USA.

В № 1902-ом "Нашей Страны", в отделе "Зарубежная жизнь", в статье М. Климова "Школьный акт в Буэнос Айресе", в пятом абзаце на третьей строке следует читать: ... Блеснули искрой театральных способностей А. Горелова, М. Михаловская...

Среди книг

ГРАНИЦЫ СВОБОДЫ

Документальная повесть С. Тхоржевского "Высокая лестница", посвященная жизни и творчеству замечательного русского поэта прошлого века Я. Полонского и изданная в Ленинграде в 1978 году, свидетельствует, с одной стороны, о том, что в СССР теперь все же больше свободы, чем в проклятые сталинские времена, а с другой, — что ее еще слишком мало для честных и объективных литературоведческих исследований.

Автор явно любил Полонского и готов его защищать от несправедливых оценок и вражеских нападок; каковые, главным образом, на него делались как на служителя чистой поэзии и искусства для искусства, сочинителя лирических стихов без политической тенденции.

В своей борьбе за правду, Тхоржевский не останавливается перед частичным развенчиванием таких лжеавторитетов, как Писарев, Добролюбов, Минаев и даже сам Салтыков-Щедрин; да и о Белинском отмечает, что тот не сумел разглядеть дарование начинающего писателя, в годы его молодости. В ходе повествования не слишком симпатичным предстает и революционер П. Лавров.

Зато дружеские отношения Полонского с Достоевским и с Победоносцевым в книге старательно приглушены, как и его восхищение перед царем Александром Вторым и милостивое к нему расположение царя Александра Третьего.

Наоборот, всячески подчеркнут его либерализм. Он и был либералом, по сравнению, например, с его ближайшим приятелем А. Фетом; но либералом в хорошем смысле, в смысле искренних гуманизма и любви к свободе. Впрочем, несомненно, будучи человеком своей эпохи, он разделял и некоторые из увлечений и иллюзий тогдашней интеллигенции. Что однако не помешало ему служить цензором и достигнуть в этой должности генеральских чинов.

Общее обаяние талантливого стихотворца и высоко порядочного человека с доброй и отзывчивой душой вызывало к нему невольное уважение не только друзей, но порою и врагов.

Судьба его была довольно тяжелой: долгая бедность, побудившая его отказаться от любимой девушки, сожаление о чем преследовало его потом навсегда; позже смерть первой его жены после кратковременного брака; заключенный в драматических условиях, но оказавшийся удачным второй; несчастный случай, в результате которого он остался хромым...

Жизнь его пришлась на конец золотого века, вторую половину 19-го столетия, так что ему случалось сталкиваться со многими выдающимися деятелями нашей литературы, включая и Тургенева, и Толстого, и Некрасова. Собственная его биография до сих пор привлекала далеко меньше, чем бы следовало, внимание. Так что можно порадоваться изданию разобранной выше очень неплохой в общем работы о нем.

Савва Юрченко

ФАКТЫ И МНЕНИЯ

"Партийная элита 70 лет развращала народ, толкала его на путь безнравственности. Теперь страна пожинает гнилые плоды. Остается только признать, что новый человек, воспитанный за десятилетия советской власти, хуже предков. Уничтожив российскую интеллигенцию, трудовое крестьянство, золотой фонд русского рабочего класса, большевики обокрали нацию, обескровили ее физически и духовно. И тем не менее им не удалось убить живую душу русского народа... В этом причина горбачевской перестройки — в страхе, который испытывает часть партбюрократии, в кошмарах, которые ее преследуют как бы не пришлось отвечать за преступления предшественников да и свои собственные перед нацией, перед государством. Если не им, то их детям и внукам, ибо советская элита давно уже сословие.

Инстинкт самосохранения диктует группе Горбачева ее нынешнюю линию поведения, а вовсе не патриотизм, как считает профессор Ю. Орлов." (И. Володарский, доктор исторических наук. "Незримая черта Горбачева". "Круг" № 492.)

Языковые Уродства

ДЕВЧАТА

В книжке К. Померанцева "Сквозь смерть" (Париж, 1986), вспоминая встречи с профессором В. Н. Ильиным, — философом, богословом и литературоведом, — автор замечает мимоходом, что тому случалось, при поездках в "молодежные летние лагеря РСХД", "влюбляться в хорошеньких девочек".

О самом факте спорить не станем; но слово *девчата* нам нестерпимо режет глаз. Оно как лишний разрослось было в России после революции, особенно в 20-е годы; но было специфически ограничено там комсомольской и околокомсомольской средой. Ни старшему поколению, ни более культурным слоям молодежи оно просто не лезло в рот.

Заметим, что слово-то само по себе украинское, и в украинском языке совершенно законное; но в русском оно недопустимо; и в нем, по счастью, не привилось. В позднейший период его оттеснило правильное русское слово *девушки*.

Поэтому особенно дико его читать в наши дни, и под пером эмигрантского автора, вероятно вовсе и не жившего в советской России, и пишущего, во всяком случае, о быте эмиграции!

Устарелое выражение типично большевицкого *молодежного* (тоже не слишком литературный оборотец) жаргона в данном контексте — абсолютно не на своем месте!

Аркадий Рахманов

Подписка на "Нашу Страну" принимается на любое количество номеров, по ценам указанным в каждом номере газеты, на 4-ой странице.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 м. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - * 0,50. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Corteo ARGENTINO
Sucursal 30 (B)

Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Interes general. Conces.No. 3980